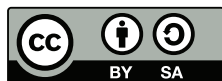

KUCHAŘ, J. a kol.: *Čeština všední i nevšední: čtvrtý výběr jazykových koutků Čs. rozhlasu z dialektologie, frazeologie a onomastiky*. Praha: Academia, 1972.

Český jazykový atlas 1–5. Dodatky. <<http://cja.ujc.cas.cz>>. [online]. [Cit. 13. 10. 2019].

Slovník nářečí českého jazyka. <<http://sncj.ujc.cas.cz>>. [online]. [Cit. 13. 10. 2019].

Slovník pomístních jmen na Moravě a ve Slezsku. <<http://spjms.ujc.cas.cz>>. [online]. [Cit. 13. 10. 2019].

Toto dílo lze užít v souladu s licenčními podmínkami Creative Commons BY-SA 4.0 International (<<https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/legalcode>>). Uvedené se nevztahuje na díla či prvky (např. obrazovou či fotografickou dokumentaci), které jsou v díle užity na základě smluvní licence nebo výjimky či omezení příslušných práv.

<https://doi.org/10.5817/OS2019-4-11>

Вечно живой... сленг

SZCZERBOWSKI, T.: *Polskie i rosyjskie słownictwo slangowe*. Krakow: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Pedagogicznego im. Komisji Edukacji Narodowej w Krakowie, 2018, 392 s. ISBN 978-83-8084-210-6.

Новая книга известного польского лингвиста Тадеуша Щербовского под названием «Польская и русская сленговая лексика» (*Polskie i rosyjskie słownictwo slangowe*), безусловно, привлечет внимание исследователей языка, в сферу научных интересов которых входит субстандартная лексика. Монография вышла на польском языке в 2018 году в Кракове. Как следует из названия — книга посвящена сленгу. Главной целью, — отмечает автор, — был анализ культурно обусловленных механизмов образования и функционирования сленговой лексики в польском и русском языках. Во введении говорится, что книга посвящена способам общения в неофициальных ситуациях, когда передаваемая информация носит экспрессивный характер и подчеркивает существование особого рода дискурсов — общности, рассматриваемой как своя (МЫ) и противопоставленной другим (ОНИ), чаще всего по параметрам возраста (молодежь), выполняемой профессии, способам проводить время, не только свободное. Эти средства и способы общения не являются отдельными языками, конкурирующими с языком общенациональным, они не могут полностью заменить его, т. к. являются частью языка, которая не считается образцовой или стандартной¹.

1 SZCZERBOWSKI, T.: *Polskie i rosyjskie słownictwo slangowe*. Krakow: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Pedagogicznego im. Komisji Edukacji Narodowej w Krakowie, 2018, с. 7.

Книга состоит из восьми частей, нескольких указателей, библиографии и собранной автором информации, касающейся исследователей данной темы.

В главе, посвященной методологии исследования, автор обобщает уже существующие многочисленные подходы к исследованию различных пластов субстандартного языка. Он отмечает, что сленг, как явление сложное, требует анализа с точки зрения трех ракурсов: культурного, лингвистического и переводческого. Немаловажным аспектом изучения сленга автор считает трактовку предмета исследования, основанную на понимании сленга как динамичного феномена. Далее следует последовательный анализ термина *сленг* и других близких по значению русских и польских терминов (*жаргон, арг, gwara środowiskowa, gwara miejska, dialekt społeczny, социолект и профессиолект, коллоквиализм, potoczna mowa, разговорная речь и просторечие, сленг общий и сленг специальный*). Приводятся цитаты из работ авторов различных эпох и национальных традиций (в польском оригинале: W. Pisarek, J. Kortas, B. A. Sieriebriennikow, R. I. Rozina, T. Nikitina, Grzegorzcyk, P. Borkowski, Dojka, K. Dejna, K. Pisarkowa, T. Krzeszowski, H. Ułaszyn, K. Estreicher, M. Amszejewicz, Balicki, K. Appel, Jelistratov, L. P. Krysin, W. Zacharov, Z. Klemensiewicz, S. Gajda, K. Nitsch, B. Wiczotkiewicz, M. Bugajski, W. D. Bondaletow, I. Kalita, A. Wilkoń, S. Grabias, T. Piekot, B. Pędzich, J. Apriesian, T. Kostkiewiczowa, W. Żirmunskij, M. Bańko, G. Jagodziński, W. W. Chimiak, J. Barmiński, E. Umińska-Tytoń, N. Tolstoj, J. Warchala, M. W. Kitajgorodskaja, A. Kikiewicz, T. W. Kortawa, J. Miodek, L. Skworcow, M. Krongauz, J. Zemskaja, O. Jermakowa, O. B. Sirotinina, W. G. Wiluman, M. Widawski, M. Garcarz, A. T. Lipatov, A. S. Bukalow, L. Kadriawcewa, Je. Kuznecowa, T. A. Kudinowa и др.) Опираясь на вышеназванных и других авторов, приведенных в богатом библиографическом списке, Т. Щербовски выделяет функции сленга и на многочисленных примерах наглядно показывает различные способы его образования: универбизация, безаффиксная и аффиксная деривация, апелятивизация, контаминация, рифмовка, каламбур, субстантивация, метатеза и др. Автор описывает наиболее характерные для каждого из рассматриваемых языков «строительные» грамматические форманты и их функции, например, *-eł* в польском сленге (*pieseł* – ‘pies’, *koteł* – ‘kot’) и *-бан, -баи, -вуд, -фан* в сленге русском (*дружбан, корефан, картофан*). Не обходит вниманием современные просторечные формы русских имен (*Димон*), частотность использования форманта *-ос* в различных сферах неформального общения (*досвидос, лавандос, попадос*) и актуальность форманта *-ing* в польской рекламе (*Łomża – Źródło świadomego łomżingu*) и других коммуникативных ситуациях. Анализируя значимые для сленгового словообразования элементы не только на современном этапе, Щербовски также устремляет свой взгляд в историю — он приводит примеры лексики русских семинаристов XIX века (*поведенция, лупсенция, потаканция*), делает

экскурс в историю языка «офеней», польских ремесленников и продавцов сит (*tajny język sitarski*), знакомит с субстандартом польских преступников конца XVIII века и русским его аналогом, основываясь на произведениях В. Крестовского («Петербургские труппы. Книга о сытых и голодных» 1864) и М. Комарова («Обстоятельное и верное описание добрых и злых дел российского мошенника, вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Каина, всей его жизни и странных походов» 1779), приводит примеры из языка каторжников Сахалина, анализирует сниженные единицы в книгах польского писателя белорусского происхождения Сергея Песецкого (*Sergiusz Piasecki*, 1901–1964) «Злодейская трилогия» и «Любовник Большой Медведицы».

Т. Щербовски рассматривает большое количество отраслевых ветвей сленга (офицеров специальных служб, политический, юридический, велосипедистов, спортсменов, компьютерных программистов, таксистов, военных и многие др.) Разделяет сленговые лексемы по разрядам заимствований в соответствии с источниками (английские, арабские, цыганские, финские, французские, греческие и новогреческие, испанские, индийские, японские, латинские, немецкие, скандинавские, турецкие, иврит), а также в отдельных частях книги занимается вопросом заимствований русских единиц в польском и польских единиц в русском языке. Автор справедливо отмечает, что вопрос установления заимствований чрезвычайно сложен. В контексте примеров, приведенных в части (2.7.12 «Заимствования польские в русском языке»), следует отметить, что исследования польско-беларусско-украинских лексических взаимодействий носят в русской и польской традиции поверхностный характер. Работы многих российских этимологов по традиции, сложившейся ещё в Российской империи, напрочь игнорируют возможность заимствований из белорусского и украинского языков, непосредственно соседствующих с польским и русским. Безусловно, в ситуации пограничья тяжело установить вектор заимствования. Тем более, что научных работ, посвященных этому вопросу очень мало — этот небогатый и противоречивый опыт, в частности проблематичность рассмотрения лексем праславянского фонда обобщен в статье М. Свистуновой «Лексічныя паланізмы ў старабеларускіх творах рэлігійнай палемікі»².

Говоря о прямом заимствовании из польского в русский язык во второй половине XX века и в наше время следует быть крайне осторожным. Т. Щербовски в названной главе ссылается на В. Витковского³, на которого опираются и дру-

2 SVISTUNOVA, M.: *Leksičnyja palanizmy ŭ starabelaruskich tvorach relihijnaj palemiki*. Acta Albaruthenica 2014, t. 14, s. 217–232.

3 WITKOWSKI, W.: *Słownik zapożyczeń polskich w języku rosyjskim*. Kraków: Towarzystwo Autorów i Wydawców Prac Naukowych Universitas, 2006.

гие современники, например В. Шетэля⁴. В. Витковски выделяет в «Словаре московского арга» 50 весьма спорных полонизмов. Среди них, например, *автостоп, бабки, батарея, бордель, запальничка, засранец, заховать, лахудра, левый, лярва, мацаць, наивняк, обрыднуть, отчепиться, причепиться, селедка, трава, фан, фотка, фраер, хата, цывиль*. Большинство из приведенных лексем существует в украинском и белорусском языках, из которых и могли быть заимствованы русским языком. Другие примеры, приведенные в качестве заимствований, такие как *селедка* в значении ‘узкий галстук’ и *харизматичный* в значении ‘прекрасный’ также вызывают сомнение. Некорректно выглядит слово *хата* — единица польская, белорусская и украинская, и слово *левый* в значении ‘фальшивый’, — приведенные в качестве польских заимствований. Неправомерность отношения двух названных слов к заимствованиям из польского можно подтвердить более глубоким экскурсом в славянскую фразеологию и идиоматику.

Отдельная, седьмая глава посвящена функционированию сленга в языке массовой коммуникации и вопросу его перевода. Касаясь вопросов перевода, Т. Щербовски рассматривает возможные подходы и средства, выделяя при этом шесть основных приемов: (1) перевод сленговых единиц средствами литературного языка, (2) перевод сленговых единиц эквивалентными сленговыми единицами, (3) опущение сленговой единицы, (4) использование сленговых и просторечных единиц для перевода единиц, в языке оригинала стилистически немаркированных, (5) изменение семантики лексемы или фраземы с целью сохранить в тексте элемент языковой игры, (6) смешение различных способов перевода сленговых единиц. Ученый также рассматривает вопрос перехода сниженных единиц из одного разряда в другой (из молодежного, компьютерного в общий, также из просторечия в разряд общего сленга). Приводит удачные примеры новых «учебников» — «Букварь» Михалкова (1987) и «Новый русский букварь» (1998) К. Метелицы и В. Фоминой, уделяет внимание сленговым переводам Библии, версии «Красной шапочки». Все это наглядно представляет богатство стилистических возможностей субстандартной лексики.

Книга снабжена иллюстрациями. Внимание привлекает обложка, в оформлении которой использована картина «Фейерверки в честь Екатерины II в 1787 году». Во многих русских источниках автор этой картины считается неизвестным. Тематически картина вписана в объяснение понятия *потемкинская деревня*⁵ и служит хорошей иллюстрацией перипетий российско-польских

4 ŠETĚLJA, V. M.: Slovar' polonizmov russkich tekstov XIX–XX vekov. = Słownik polonizmów rosyjskich tekstów XIX–XX wieków: około 1000 słownych statek. Moskwa: Prometej, 2019.

5 SZCZERBOWSKI, T.: *Polskie i rosyjskie słownictwo slangowe*. Krakow: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Pedagogicznego im. Komisji Edukacji Narodowej w Krakowie, 2018, s. 204.

исторических отношений, отразившихся в культурной и языковой картине мира. Т. Щербовски уточняет, что авторство картины принадлежит перу польского художника немецкого происхождения Яну Богумилу Плершу (Jan Bogumil Plersch, 1732–1817) и объясняет значение запечатленного события — во время путешествия по Днепру Екатерина была не довольна результатами встречи с королем Станиславом Августом Понятовским в Каневе. Король постарался загладить возникшее непонимание фейерверком во время отправления царицы из города — от польского берега Днепра.

О Плерше следует добавить, что он был придворным художником короля Станислава Августа Понятовского, принимал участие в оформлении самых известных дворцов и церквей своего времени, однако интерес «классического» живописца, оформителя потолков, росписей стен и рисунков паркетов элитных архитектурных зданий, иногда обращался к событиям, будоражившим сознание современников. Исторические моменты запечатлены на его картинах «Фейерверки в честь Екатерины II в 1787 году» и «Отправление Екатерины II из Канева в 1787 году». Именно эти две картины являются важным культурно-носным материалом для объяснения понятия «потемкинская деревня». В нем русские исследователи на первый план выдвигают строительство бутафорских деревень Потемкиным. Т. Щербовски, а также А. М. Панченко («Потемкинские деревни» как культурный миф», 1999) обращают внимание на фейерверки в их прямом и символическом значении.

Отметим, что начало последнего чрезвычайно активного этапа развития сленга в русском языке относится к 1990-ым годам. Он связан с распадом СССР, разрушением экономической системы и системы ценностей, потерей идеалов XX века и исчезновением уверенности в государственной системе социальных гарантий. Все перечисленное в устах населения вербализовалось в крайне негативные формы оценки. Эмоции трансформировались в разные лексические формы. В сниженные метафоры превращались ранее используемые, известные в привычных значениях, слова, а также новая эпоха «выплавила» на поверхность старые нелитературные единицы, известные криминальному миру в начале XX века. Такое неконтролируемое «половодье» субстандартной лексики практически сразу вызвало всплеск научного интереса к данной теме. Начали появляться словари молодежного сленга, статьи и книги, анализирующие различные аспекты сниженных лексических форм. К 2010-ым годам количество новых сленговых единиц в русском языке уменьшается. Ранее активные, чрезвычайно экспрессивные единицы к этому времени теряют долю своего эмоционального «заряда» и переходят в т. н. разряд «общего сленга». Новые единицы чаще возникают в сфере интернета, а потому очень редко становятся общенародными. Исследователей субстандартной лексики в конце

XX – начале XXI вв. часто упрекали в изучении единиц, незафиксированных словарями, т. е. в данном случае часто исследовался материал, авторство и первоисточник которого трудно было подтвердить. В настоящее время, когда большинство вошедших за последние двадцать пять лет нелитературных единиц занесено в словари сленга и отражено в художественной литературе, можно говорить о следующем этапе – этапе обобщения, переосмысления и переоценки сленговой и других разрядов сниженной лексики.

Тенденция к обобщению проявляется в рецензируемой книге. При этом следует особо подчеркнуть компаративный и лингвокультурологический подход Т. Щербовского, а также в некотором роде и энциклопедический. Особое внимание стоит обратить на широкий комплекс дополнительных информационных блоков данного издания. Кроме аннотаций на русском и английском языках, богатой библиографии, в книге содержатся несколько указателей – (1) сленговых единиц, приведенных в качестве примеров; (2) указатель терминов, (3) именной указатель и заслуживающее упоминания (4) приложение, в котором автор знакомит читателей с исследователями польского и русского сленга. Т. Щербовски представляет ученых, посвятивших свои работы проблематике субстандартной лексики XX и XXI века, указывая их даты рождения, сферу основных интересов и наиболее значимые публикации по данной теме.

Можно утверждать, что автор в этом издании объединил воедино свои основные научные интересы – социолингвистику, психолингвистику и переводоведение. Т. Щербовски дает пример детального компаративного подхода к методике изучения сленга в двух национальных традициях, отмечает разное понимание категории «общего сленга» в русистике (во-первых, нет единого понимания; чаще эта категория воспринимается как особое языковое образование, стоящее между литературным языком – с одной стороны, и жаргонами и арго – с другой) и полонистике («общий сленг» относят к категории разговорной речи). Автор отмечает, что изучение сленга является важным для исследований языка в целом, его диахронии и синхронии, истории и этимологии. Сленговая лексика редко исчезает бесследно, она может становиться составляющей разговорного и даже литературного языка.

Без сомнения, Книга Тадеуша Щербовского «Польская и русская сленговая лексика» займет достойное место в ряду славянских компаративных исследований субстандартной лексики, которых на сегодняшний день насчитывается не так много.

Инна Калита

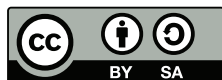
Литература:

SVISTUNOVA, M.: *Leksičnyja palanizmy ů starabelaruskich tvorach rělihijnaj palemiki*. Acta Albaruthenica 2014, t. 14, s. 217–232.

SZCZERBOWSKI, T.: *Polskie i rosyjskie słownictwo slangowe*. Krakow: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Pedagogicznego im. Komisji Edukacji Narodowej w Krakowie, 2018. ISBN 978-83-8084-210-6.

ŠETĚLJA, V. M.: *Slovar' polonizmov russkich tekstov XIX–XX vekov. = Słownik polonizmów rosyjskich tekstów XIX–XX wieków: około 1000 słownych statej*. Moskva: Prometej, 2019. 978-5-907100-13-8.

WITKOWSKI, W.: *Słownik zapożyczeń polskich w języku rosyjskim*. Kraków: Towarzystwo Autorów i Wydawców Prac Naukowych Universitas, 2006.

This work can be used in accordance with the Creative Commons BY-SA 4.0 International license terms and conditions (<<https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/legalcode>>). This does not apply to works or elements (such as images or photographs) that are used in the work under a contractual license or exception or limitation to relevant rights.

<https://doi.org/10.5817/OS2019-4-12>

Lexikální atlas ruských nářečí

Лексический атлас русских народных говоров (ЛЯРНГ): Том 1. Растительный мир. Москва–Санкт-Петербург: Нестор-История, 2017.

Roku 2017 byl vydán první díl ruského atlasu mapujícího nářeční lexikum. Svazek je zaměřen na slovní zásobu týkající se rostlinstva (konkrétně lesních masivů, stromů, keřů, travin, bobulí, květin a hub) a je prvním ze zamýšleného souboru, který by měl shromažďovat dialektismy používané venkovským obyvatelstvem v každodenním životě. Plánované díly by postupně měly představit lexikum vztahující se k přírodě, člověku, práci a řemeslům, k materiální kultuře, stravování, způsobům dopravy a k duchovní kultuře.

Vedoucím autorského kolektivu, který kromě lingvistů z Ruské akademie věd zahrnuje i pracovníky z padesáti čtyř ruských univerzit podílejících se na sběru materiálu, je Alexandr Sergejevič Gerd. Je však třeba zdůraznit, že iniciátorem projektu byl Igor Alexandrovič Popov, který s návrhem na vytvoření atlasu tohoto typu vystoupil už v 70. letech minulého století.¹ Stál v čele kolektivu, který v roce 2004

1 Autoři ve zkušebním dílu atlasu zmiňují, že systematické podklady umožňující zahájení projektu byly dokončeny až v 90. letech. Časové prodlevy vysvětlují směřováním ruské dialektologie, která lexikální rovinu dialektů dlouhodobě opomíjela ve prospěch roviny fonetické a morfologické.